

Фурманова в «Чапаеве»)... Но глубочайшее чувство неудовлетворенности в остатке: «К сожалению, играл лишь то, что не могли «переварить» Олег Ефремов, Миша Ульянов, Женя Матвеев. Все, на что им времени не хватало, перепало мне. Самым обидным было, когда роль предлагалась, как в «Родной крови», — ты с ней сжился, а в последний момент ее отбирали. Почти все, о чем мечтал, не удалось сыграть. К примеру, Лиознова Татьяна однажды обращается: «Георгий Степанович, начинаю картину «Три тополя на Плющихе». И Доронина Тая, когда ее спросили, кого она видит партнером, ответила: «Жженов, дайте ему». Много таких утекших сквозь пальцы ролей. Ушла роль Ивана Ивановича в «Белом Биме...». Еще характер, который я почувствовал, который должен был сыграть, — Бен в «Последнем дюйме». Осталась записка от режиссера: «Георгий, не забудь, в среду съемка на «Ленфильме»...»

Эльдар Рязанов повторял ему: «Твое несчастье в отсутствии готовых ролей. На тебя писать сценарий надо было...».

А еще Георгий Степанович избегал громких слов. Киноминистру Ермашу заявил: «Ну что это такое: читаю в вашей прессе — что ни исполнитель, то великий да гениальный. Теперь на пьедестале все больше мальчишки».

Сам к пьедесталам не стремился. Ему памятник в Челябинске при жизни соорудили, он смеялся: «Мэр там куда-то баллотировался, наверное, перед выборами хотел выслужиться... Размалевал всю стену моим портретом и памятник поставил. Кто-то потом ему нос отбил... Мне звонил архитектор Витя Митрошин, рассказывал. Починили вроде. Что я, Ленин?».

ИТАР-ТАСС

В его судьбе — история болезни страны. Могучая-кипучая смесь жанров: цирка и трагедии. Каскадная акробатика в юности, знаменитые номера «2-ЖОРЖ-2» и «Китайский стол», эксцентрические комедии в кино. И безумная, нескончаемая кровавая эксцентриада ГУЛАГа.

Нелепая случайность грохнула железными воротами за спиной подающего надежды двадцатидвухлетнего актера на улице Воинова. Пытки в Крестах, Колыма, Норильск, золотые прииски... 17 лет путешествий по кругам «исправительного» ада. На Колыме его прозвали «местный», что означало — «нежилец», а он обманул смерть, не отворачиваясь от дула пистолета. После реабилитации в 38 лет не надо было подниматься с колен. Научился быть простым: «На допросах стоял по семь суток, если падал от изнеможения, то за волосы поднимали и опять ставили». Вот отчего не терпел зависимости. Говорил мне, что после заключения особенно любил жизнь и свободу, а опеку, насилие возненавидел. Даже Завадский его побаивался.

В лицействе больше всего ценил правду. Поначалу никто и не верил, что это артист. После «Берегись автомобиля» Рязанова замучили: «Где вы откопали вашего гаишника?». В «Журавушке» его священник был по-человечески столь притягателен и убедителен... что эпизоды с ним велили переписать. Американский консультант фильма «Вся королевская рать» рассматривал на стенах мосфильмовского павильона портреты «губернаторов». Среди вырезок журнала «Америка» разглядел фото Жженова: «Вот этот — то, что надо». Пару лет назад Георгий Степанович доходчиво объяснил мне свое актерское кредо: «Ну социальный герой — ампула, что тут поделаешь. Тем более что мне не нравится выдвигаться. Артистическую деятельность люблю за другое. Не за то, что — а ну-ка прикинься... Меня интересует профессия с точки зрения постижения человека: что там, внутри? Такая премудрость интересует».

Как-то Георгий Степанович признался мне: «Действительно, не могу играть человека, которого презираю. Играть ноль, ничтожество. В этом смысле я не артист. Из-за такой роли в постановке «Тишины» по Бондареву был вынужден подать заявление об уходе из «Ленсовета». Ведь я еще очень много человеческого, жженовского

ПРОЩАНИЕ

Русский Габен

В лицействе Георгий Жженов больше всего ценил правду

привношу в роль, оттого и понимание — что я могу и не могу».

Осужденный за шпионаж в пользу американской разведки сыграл застреленного резидента Тульева так достоверно, что многомиллионная советская страна увидела в нем своего героя, а КГБ наградил бывшего эка премией. Рядовой шпионский роман превратился в любимый кинобестселлер прежде всего благодаря Жженову. Тетралогия о резиденте контрразведка КГБ использовала в качестве учебного пособия для курсантов. Экран тиражировал его проницательных, но доверчивых милиционеров, геройских летчиков, мудрых разведчиков. А в Питере на сцене он играл Никиту во «Власти тьмы», Нила, Муратова... Завадский пригласил его на роль Льва Толстого в пьесе Ермолинского... Но Фурцева пьесу запретила, и спектакль так и не вышел... Жженов шутил: «Так графом я и не стал, а москвичом оказался».

До последних дней работал в театре и все надеялся сыграть Матиаса Клаузена в «Перед заходом солнца»...

Около ста ролей в кино (мало кто знает, что Жженов снимался мальчишкой в массовках «Деткино» в конце 20-х, мало кто помнит его роль ординарца

Власть откровенно не любил, хотя был не только ею гоним, но и облакан. В партию не вступал, хотя зазывали: «Как это можно? Ни за что зареветь на 17 лет, а потом вступить в партию, которая, по сути, меня в лагерь и направила... Она олицетворяла государство. И после реабилитации была со мной ох как приветлива».

Георгий Жженов оставил нам не только роли, но и прозу. Книжки, написанные «из себя», по методу Габена. В них о лагерной жизни, работе в театре и кино. Поразительные рассказы «Саночки», «Омчугская долина», «От «глухаря» до «жар-птицы»... Его проза, поддержанная Астафьевым, Граниным, Солоухиным, продолжение многолетнего «постижения человека: что там, внутри?».

Среди нечисленного числа профессиональных наград одну ценил особенно — «Нику» в номинации «За честь и достоинство». Когда ее вручали, зал стоя аплодировал отважившемуся не сгибаться. Справедливо заметил Александр Митта: «Он один из тех, кого можно назвать лицом времени, эпохи, лицом XX века».

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»